И.И. Халеева

Гендер как интрига познания

В последнее десятилетие в российском языкознании все более отчетливо вырисовывается новое направление исследований, основанных на социально и культурно маркированной специфике пола (gender).

Существует мнение, что лингвистическая традиция, учитывающая фактор пола, уходит корнями в античный мир, когда началось осмысление категорий природного пола (sexus) и грамматического рода (gender).

Однако правомерным, видимо, будет и утверждение, что полоролевая традиция общественного сознания берет свое начало в древнекитайской философии с ее основными понятиями – *ян* и *инь*.

Концепция о взаимодействии полярных сил «*инь*» – «*ян*» как основных сил движения, дуализм которых выражается в нерасторжимом единстве и борьбе светлого и темного, твердого и мягкого, мужского и женского начал в природе, – легла в основу учения о символах взаимодействия крайних противоположностей.

Учение об «*инь*» и «*ян*» издревле усвоила вся китайская философия одновременно с учением о пяти «стихиях» как первоэлементах природы, согласно которому связи пяти первооснов – воды, огня, металла, дерева и земли – создают все многообразие явлений и вещей.

Поскольку любая система символов так или иначе воспроизводит *конфигурацию* реальности, то, видимо, не существует «символотворчества, не коренящегося в конечном итоге в общечеловеческом символическом основании» [4, с.84].

Вышесказанное выявляет, в частности, также и основания гендерных аспектов в герменевтической философии познания и восходит в конечном итоге к сути проблем понимания через *опосредование текстами*. «Понимать себя означает понимать себя перед текстом и воспринимать из

него состояния некоего Я, отличного от меня» [4, с.87], т.е. «перед герменевтикой стоит двойная задача: реконструировать внутреннюю динамику текста и воссоздать способность произведения проецироваться вовне в виде представления о мире, где я мог бы жить» [4, с.88].

Герменевтика прокладывает путь к пониманию «*Я*» через богатство символов, передаваемых через культуры, «в лоне которых мы обретаем одновременно и эксистенцию и речь» [4, с.85].

Подход к гендеризму как к реальности, опосредуемой знаками, символами и текстами (т.е. с позиций герменевтики), позволяет определить гендер в качестве своего рода *междисциплинарной интриги*, в основе которой сплетается множество наук о человеке, о его не только биологической, но и социально и культурно обусловленной специфике, интриги как совокупности обстоятельств, событий и действий, в центре которых находится человек, личность.

Гендер как *междисциплинарная интрига* восходит, с одной стороны, к интриге (фабуле, mythos) Аристотеля, а с другой, – к особому ментальному миру, создаваемому в дискурсе П. Серио [8]. Таким образом, и интрига, и дискурс характеризуются аналогичным набором признаков, доминирующим среди которых можно назвать их *интеллигибельность*, т.е. познание через разум, через интеллектуальную интуицию во всей многосложности данного философского понятия [ср.: 4, с.63].

Как в интриге, так и в дискурсе исходная структура имеет вид последовательности элементарных пропозиций, связанных между собой различными логическими отношениями. Элементами и дискурса, и интриги являются излагаемые события, их участники, и так называемые «...«не-события», т.е.: а) обстоятельства, сопровождающие события; б) фон, поясняющий события; в) оценка участников событий; г) информация, соотносящая дискурс (или интригу – *И.Х.*) с событиями» [2, с.7].

В известном смысле междисциплинарную *парадигму гендера* можно обозначить своеобразным *типом интригообразования*, или же – несколько в иной плоскости – сравнительной типологией гендерных дискурсов, имманентных природе традиционной культуры.

Ю.С. Степанов полагает, что «дискурс – это «язык в языке», но представленный в виде особой социальной данности... Дискурс существует прежде всего и главным образом в текстах, но таких, за которыми встает особая грамматика, особый лексикон, особые правила словоупотребления и синтаксиса, особая семантика, – в конечном счете – особый мир... Само явление дискурса, его возможности, и есть доказательства тезиса «язык – дом духа» и, в известной мере, тезиса «язык – дом бытия» [5, с.676].

Но и «дом бытия», и тем более «дом духа» предполагает наличие в нем некоего субъекта, соотнесенного с дискурсом, т.е. с человеком, создающим этот дом, наполненный текстами, с автором событий, а, значит, с автором интриги; вернее с субъектом, создающим определенный тип интригообразования с присущим ему «альтернативным миром» (дискурс как язык «альтернативного мира», по Ю.С. Степанову, или «проекция текста в качестве мира», по П. Рикеру, или «ментальное пространство», по Г. Фоконье).

Как пишут Т. Виноград и Ф. Флорес, «мир всегда организован вокруг фундаментальных замыслов человека, его бытие и организация зависят именно от этих замыслов... Мир как *фон* очевидности проявляется в нашей повседневной деятельности в качестве знакомого феномена, переполняющего собой ситуацию, в которой мы находимся, и это лежит в основе каждого возможного высказывания» [1, с.199].

Говоря словами Ю.С. Степанова, «дискурс – это возможный ментальный мир, или одно «описание состояния» как набор сущностей и их свойств, а также отношений между ними, которые действительны в данном мире... Ядерными структурами здесь... являются «идеализированные когнитивные модели» и «фреймы» (а также родственные последним понятия «сценарии» и т.п.). Совокупность этих структур составляет семантическую систему, семантику ментального мира, в то время как последний является формальной моделью дискурса» [5, с.677].

Возвращаясь к определению дискурса как «особой социальной данности» и исходя из тезиса о том, что «всякий язык отражает предрассудки общества, которое он обслуживает» [7, с.136], следует подчеркнуть, что гендер как интригообразующая парадигма находит свое выражение в многочисленных исследованиях по отношению к различным языкам и социокультурным дискурсам.

В качестве примера, можно привести старинный английский детский стишок, отражающий предрассудки общества в виде своеобразной гендерной интриги, с ее «фоном очевидности, проявляющимся в качестве феномена британского социума».

What are little girls made of?
Suger and spice and all things nice. That's
What little girls made of!
What are little boys made of?
Frogs and snails and puppy dogs' tails.
That's what little boys are made of![1]

В приведенном выше четверостишии перед читателем/слушателем развертываются как бы два типа дискурса со своими правилами социальных ролей, социального этикета со своей семантикой ментального мира, со своей системой референции.

Сущностями ментального мира являются индивиды как роли и как принимаемые значения (values), и эти два проявления индивидов различны [3].

Так, например, гендерные исследования на материале английского языка выявили различия как на уровне системы языка, так и на уровне его употребления. Относительно гендерных различий на уровне языка как системы, можно утверждать, что здесь выявляются различного рода асимметрии, проявляющиеся в виде семантических лакун, когда в языке отсутствует обозначение для какого-либо концепта. Так, в английском языке не существует фемининного эквивалента для обозначения понятия «virility» (мужественность; способность производить потомство, мужская сила), или же сопоставительный анализ некоторых пар «мужское» – «женское» слово, например: mistress – master; governess – governor, выявляет существенные расхождения в содержании обозначаемых этими словами понятий.

mistress: 1. хозяйка, повелительница; правительница
2. (брит.) учительница
3. любовница; возлюбленная

master: 1. хозяин, повелитель
2. работодатель
3. руководитель
4. владелец (собственности)
5. капитан торгового судна

the master господь Иисус

governess: 1. гувернантка: воспитательница

governor: 1. властитель; наместник
2. губернатор
3. комендант (крепости)

Однако сама гендерная интрига начинает разворачиваться перед исследователем в тот момент, когда он погружается в мир дискурса, и здесь употребление языка начинает «измеряться» именно *ментальным пространством дискурса*. Это пространство интриги есть – в несколько ином ракурсе рассмотрения – своеобразное «интеллигибельное единство» (П. Рикер), создающее композицию обстоятельств, целей, средств, инициатив и невольных следствий. Мир дискурса определяет семантические роли индивидов, в том

[1] Ср. русскую версию этого четверостишья:
Из чего только сделаны девочки?
Из конфет и пирожных и сластей всевозможных
Мальчики? Из чего только сделаны мальчики?
Из камней и ракушек и зеленых лягушек.
(С.Я. Маршак)

числе и в плане их соотнесенности с самим ментальным пространством, т.е. референционно.

Приведенное выше английское четверостишие демонстрирует в шутливой форме два пересекающихся ментальных пространства – «мужской» и «женский» миры – опосредованных онтогенетически и гносеологически и обусловленных социокультурной данностью конкретного лингвокультурного сообщества.

Достаточно иллюстративными можно считать результаты исследований, проведенных на материале англоязычных лингвокультурных сообществ (британский, американский и австралийский варианты английского языка). Данный материал представляет собой корпус текстов современного английского языка (The Cobuild corpus).

Сегодня он насчитывает свыше 50 миллионов слов, употребляющихся в современных письменных и устных текстах, отбираемых в эту открытую систему, начиная с 1990-х годов.

Письменные тексты отобраны из художественных произведений, специальной литературы, личной переписки, рекламных роликов, журналов и из двух газет «The Times» и «Today».

Устные тексты представляют собой выборку из неформальных бесед, телефонных разговоров, лекций, радиопередач и интервью.

Используя соответствующую методику анализа, исследователи поставили задачу выявить по левой позиции от слова характеристики пары «мужчина» – «женщина». В результате было выделено по 100 наиболее репрезентативных словосочетаний для каждого ряда: мужчина – женщина. При этом исследователи отбирали только те словоупотребления, где оба концепта использованы в текстах в гендерном плане, т.е. в смысле их соотнесенности с человеческой природой (humanity in general). Введение данного ограничения выявило, что собственно-гендерные словоупотребления концепта man/men в корпусе не отличались особой частотностью: только 5% словоупотреблений выявили их гендерный план.

Не останавливаясь подробно в данной статье на методике анализа проведенного исследования, отошлем читателя к соответствующей работе [7]. Однако небезынтересными представляются сами результаты анализа, приведенные в упомянутой статье, которые, по словам автора, в целом подтверждают «предрассудки» и предпочтения социумов, разделяющих мир на два пространства – мужское и женское, причем с еще раз подтвержденной тенденцией относительно менее видимой социальной активности женщины по сравнению с мужчиной. Однако вместе с тем исследователи приходят к выводу по поводу меняющихся гендерных ролей обоих концептов.

Так, оба пола с достаточной частотностью описываются как «работающие», «имеющие профессию», «сильные», «высококлассные», «наделенные властью» и т.д.

Кроме того, отмечается тенденция к росту частотности описания женщины как «уверенной в себе», «себялюбивой», «имеющей успех», «карьерной» (т.е. успешно делающей свою карьеру) и т.д.

Иными словами, взятое в качестве примера исследование, проведенное на англоязычном материале, свидетельствует лишний раз в пользу того, что любое общество характеризуется своей коммуникативной ситуацией, присущей этому обществу социально-функциональной стратификацией языка, где некоторые особенности речевого поведения женщин в отличие от речевого поведения мужчин обнаруживаются всегда.

Каждое общество имеет, как известно, свою коммуникативную структуру, заключающуюся в системе социальных ролей, институтов, учреждений, норм, средств воплощения, передачи, хранения и обработки текстов. Система социальных ролей отражает структуру общества.

Мы полагаем, что система социальных ролей является одним из сильных факторов, детерминирующих гендер как тип интригообразования, восходящих к ролям, т.е. индивидам, занимающим в обществе одну из типизированных

позиций в социальной структуре данного общества и являющихся тем самым социальной данностью.

Здесь мы соприкасаемся, по словам Ю.С. Степанова, «с двумя подсистемами в устройстве языка – с семантикой и с референцией» [5, с.658].

Если первая восходит к значениям языковых выражений, как они сложились и закрепились в системе языка, то вторая – референция – рассматривает языковые выражения в их приложении к объектам мира в актуальной речи.

В семантике процесс освоения мира, о котором мы говорим, прослеживается в том числе по линии грамматической категории рода, которой характеризуется субъект предложения, лицо – мужчина/женщина – и характеризуется именно как отчетливо выделенный из «фона».

По линии референции мы имеем дело с логической определенностью, создавая ментальный, логический мир: «он – настоящий мужчина; она – типичная женщина».

Индивиды, определенные референционно, совпадают чаще всего с понятием роли, которая, как известно, является частью организации ментального пространства в качестве особой сущности с соответствующим значением (value).

С различиями пола (sexus) связано множество собственно социальных, психических и культурно обусловленных явлений, что находит свое отражение в языке.

Если мы знаем и можем описать «типичную женщину» относительно ее положения в дискурсе данного ментального мира, т.е. референционно, то как мы сможем описать гендерный тип феминнной роли, выраженный заголовком известной книги Дж.Лакоффа «Женщины, огонь и опасные предметы»? [3].

Не ставя перед собой задачи выстроить еще одну логическую последовательность: гендер > интрига > дискурс > ментальное пространство, – но анализируя правомерность соположения концептов «женщина» – «огонь» – «опасные предметы» – «типичная женщина», хотим еще раз вернуться к древней китайской философии с ее дуализмом темного и светлого начал – «*инь*» и «*ян*».

Исходное значение «*инь*» и «*ян*»: пасмурная и солнечная погода или теневая и солнечная стороны. В бинарности данного противопоставления сосредоточено философское выражение света и тьмы, активности и пассивности неба и земли, мужского и женского начал. Постоянное взаимодействие и противоборство этих двух начал, обретающих характер космических сил, создает и изменяет материальный мир, а также общество, идеи, культуру, мораль.

В заключение следует сказать следующее. На страницах настоящей статьи была предпринята попытка обосновать наиболее перспективное, с точки зрения автора, направление гендерных исследований в России.

Основной тезис предлагаемых автором рассуждений о гендере сводится к тому, что изучение социально и культурно обусловленной специфики пола возможно лишь при создании и обосновании междисциплинарной парадигмы.

Означивая гендер как своеобразный тип интригообразования и признавая за интригой ее интеллигибельную сущность, автор аргументирует необходимость исследования гендера с позиции когитологии и прежде всего с позиций герменевтики, позволяющей выстроить соответствующие модели *понимания* гендерных дискурсов как ментальных пространств, заменяющих возможные миры и ситуации.

Одним из основных значимых положений при обосновании гендерного типа интриги познания является ее обращенность к человеку, к его социально и культурно обусловленной природе.

Литература

1. Виноград Т., Флорес Ф. *О понимании компьютеров и познания*. В кн.: *Язык и интеллект*. М., 1995.
2. Демьянков В.З. *Англо-русские термины по прикладной лингвистике и автоматической переработке текста*. –

Вып. 2. Методы анализа текста//ВЦП. Тетради новых терминов. – 39. – М., 1982.
3. Лакофф, Дж. *Когнитивное моделирование*. В кн.: *Язык и интеллект*. М., 1995.
4. Рикер, Поль. *Герменевтика, этика, политика*. М., РАН, Институт философии, 1995.
5. Степанов Ю.С. *Язык и метод. К современной философии языка*. М., 1998.
6. Философский словарь. Под ред.М.М.Розенталя. Изд. третье. М., 1972, с.154.
7. Heriman, Jennifer. *Descriptions of Ubman and Man in Present-Day English.* In: Moderna Språk, Volume XCII Number 2, 1998.
8. Sériot P . *Analyx du discours politoque soviétique (Cultures et Sociétés de l'Est.2).* P. : Institut d'études slaves, 1985.